Ссылка на материал: https://ficbook.net/readfic/11137015

Осколком солнца в твоей горсти

Направленность: Фемслэш
Автор: Дэйнерис (https://ficbook.net/authors/1819996)
Фэндом: Совиный дом
Пэйринг и персонажи: Луз Носеда/Эмити Блайт
Рейтинг: PG-13
Размер: 15 страниц
Кол-во частей: 1
Статус: завершён
Метки: Переписки и чаты (стилизация), Гендерная интрига, Рождество, Подростки, Сложные отношения, Верность, Золотая клетка, Символизм, Томбои, Недопонимания, Ссоры / Конфликты, Обман / Заблуждение, Побег, Тайны / Секреты, С чистого листа, Мечты, Одиночество, Как ориджинал, Признания в любви, Свидания, Борьба за отношения, Интернет, Переходный возраст, Влюбленность, Разговоры, Развитие отношений, Частичный ООС, Ненависть к себе, Друзья по переписке, Трудные отношения с родителями, Прощение, Романтика, Ангст, Психология, Повседневность, Hurt/Comfort, AU, Боль, Обещания / Клятвы, Токсичные родственники, Эстетика, Раскрытие личностей, Свобода, Последствия, Сентиментальность, Надежда, Элементы драмы, Элементы флаффа, Принятие себя, Мелодрама

Описание:
У Эмити — бродячая тонколапая кошка в груди, рожденная из холода да зимней полыни, режущие снежным осотом глаза, вышколенная привычка носить на шее затянутый потуже родовой ошейник и кутающееся в шаль госпожи-Осени одиночество. У Луз — серость ставшего слишком тесным города, вонзенный в камень погасшей души Экскалибур да всё то же одиночество...
Заканчивающееся в тот день, когда в небо взметаются несущие первый снег драконы, а Луз встречает в Сети её: ту, которой навсегда отдает свое сердце.

Публикация на других ресурсах:
Разрешено только в виде ссылки

Примечания автора:
Меня накрыло, завертело и снова подарило желание что-то и куда-то писать.
И эти двое — пронзили глубоко в самое сердце.

Для атмосферы:
Lana Del Rey — Summertime Sadness

Осколком солнца в твоей горсти

У Эмити есть друзья, которых кто-то придумал называть «однодневками», есть уважаемая обществом семья, оплаченное родителями место в самом престижном университете, одобренный с рождения билет в светлое будущее, выбранный матерью жених и незамысловатая подработка в детской библиотеке: настоятельная прихоть всё тех же родителей, призванная закутать юную Блайт в подобающий всякой леди добродетельный плед.

У Эмити всегда аккуратно уложенные волосы, перекрашенные в зимне-полынный цвет — единственный, который устраивает мать, — острые и холодные глаза породистой бродячей кошки, смятая и немного нечестная улыбка на бледных губах и надежно запрятанная в нагрудный кармашек любовь украдкой любоваться, как во́роны приносят на крыльях ветер, качающий вереск да лоскутки голубых перелесков, прорастающих под копытом весны-лошадки.

Она в чём-то по-детски наивна, уступчива, легка, редко любима, но и редко ненавидима, и со стороны может показаться, что она вполне счастлива…

Лишь тот, кто привык заглядывать глубже, не ведясь на раскрашенные ваксой и гуталином маски, смог бы однажды догадаться, как ей на самом деле тоскливо: настолько тоскливо, чтобы без оглядки сбежать от своей идеальной жизни в жизнь иную, вымышленную.

Жизнь, которой как-будто-бы-не-существовало, но в которой у неё появился Он: единственный, у кого получилось понять и принять забракованную, затоптанную и выброшенную другими неугодную девчонку.

⁂

Луз похожа на молодую цаплю, прогнанную на сушу из знакомых уютных болот: она длинная, поджарая, слишком для доставшегося пола нескладная. Шумная, непоседливая, непокорная, взбалмошная и дикая авантюристка, витающая не в облаках, а за семью простынями сыплющих осеннее лиственное золото атмосфер.

У неё извечно растрепанные коротко остриженные волосы, похожие на то самое пресловутое воронье гнездо, полнящиеся бесстрашной упрямостью карие глаза крепкой чайной заварки; ей восемнадцать, и она терпеть не может свою жизнь.

Отношения с матерью, давно переставшей понимать, испортились, друзья ушли, отпустив и забыв всё то, что когда-то их связывало, в университет она поступила строго для закорючки на нужной лишь матери бумажке, а город стал слишком тесен: небо, некогда кувыркавшееся над крышами в голубой вышине, всё чаще заворачивается в грубый свитер серых туч, мир седеет от пыли и снега, в сердце постоянно что-то ноет, шепчется и болит.

Луз — что-то вроде человека перекати-поле, забытого кома тайн и недомолвок, призрака самой себя, распивающей в опустевших внутренних залах одинокий рождественский пунш, и единственное, что составляет её

поверхностную шаткую радость — это рисование и аниме. Насмотревшись его, начитавшись чужих историй и безрассудно утонув в собственных, она придумала себе новое имя, новый образ и, ухватившись за долгожданную свободу, обернувшись не задыхающейся от бессилия девчонкой, а дерзящим смеющимся мальчишкой, любящим карабкаться вверх по холмам да назубок знать рыцарей по именам, с головой нырнула в Сеть…

Где и повстречала её: поначалу притворяющуюся, кусающуюся, отталкивающую, но постепенно оттаявшую, доверившуюся, приручившуюся, светлую, трогательную, милую, одинокую и внезапно *нужную*…

Только — наказанием или всё-таки счастьем… — живущую от неё в двух тысячах далеких километров…

…и сходу на слово поверившую, не допустившую ни одного чертового сомнения, что перед ней не заигравшаяся в поделом отплатившие жестокие игры дура, а сложивший ножны у ног верный мужественный рыцарь.

⁂

Эмити прибегает с учебы, забывает про домашние дела и библиотеку, про устроенный матерью званый ужин, включает компьютер и на долгие предночные часы исчезает из роптающего за стеной из наушников реального мира: она улыбается, улыбается каждую минуту и каждую секунду, и улыбка эта куда более искренняя, чем та, что день изо дня видят её сокурсники и семья.

Она чуть скованно, но рассказывает Ему о том, как прошел её день, читает и слушает, что произошло у Него, рассматривает Его новые рисунки, и чем глубже во всё это погружается, тем свободнее дышит, смеется и радуется — непривычные незнакомые чувства застревают где-то под ребрами, растекаются странным колючим соком по рукам и ногам, в грудине распускается полыхающий белым лунным пламенем лес.

У Эмити кружится голова, одурело колотится сердце, дрожат и намокают ладони, разливается по щекам жидкий рудой закат и круг за кругом вертится, напаивая каждую ве́нку и каждую пору, очаровывающее осознание, что с Ним ей хорошо, как не было хорошо ни с кем и никогда, что Он живой, Он *настоящий* — гораздо более настоящий, чем все те люди, что просыпаются, засыпают и живут, не живя, с ней рядом.

Он любит рассказывать ей что-то сумасшедшее о том, что ангелы, мол, сильнее всего на свете мечтают стать падшими, чтобы простить всех напланетных людей, что зима — она вовсе не зима, а сварливая старуха с жутковатым именем Кайлэх, и на плече её сидит черный скворец, передразнивающий людей, зверей да птиц и так дарящий хозяйке злокозненно утащенные душевные осколки: потому что у самой старухи, говорит Он, души своей нет.

Он смешной, суматошный, владеющий необъяснимым даром греть да заглядывать в самую сердцевину, в самую суть, и раз за разом нащупывать то, что она так долго старалась если и не уничтожить, так спрятать, и какая тогда разница, что в реальности между ними чуть ли не сотни небесно-световых лет?

Какая разница, если о той связи, что возникла между ними, изловив в прочную щекочущую сеть, она не то что не мечтала — не догадывалась, не представляла, что та может случиться, зародиться и быть, обвязавшись между двумя чужими запястьями пушистой нитью расстаравшейся снежной прядильщицы…

Какая — *ведь правда же…?* — тогда разница…?

Иногда Он начинает говорить с ней незнакомыми или просто причудливыми словечками, всё никак не вспоминая рассказать, что английский у него отнюдь не родной:

«Te quiero», — и у Эмити ощущение, будто ноги её, которыми она беззаботно и так по-ребячески болтает под столом, с прыжка наступают на теплую, но колдоватую призрачную тропинку, ведущую туда, куда ей, возможно, вовсе и не нужно попадать.

Над тропой этой бродят хво́рые звери-туманы о политой серебром шерстй, крылатится облаками ночь, тихо падают сверху зимние, в индевелое пятнышко, бутоны-цветники…

А она, неуверенно и совсем чуть-чуть испуганно закусывая уголок нижней губы, пишет отказывающимися слушаться пальцами:

«Что это значит…?»

Ответ приходит быстро — будто Он заранее знает, что получит именно *эти* строки — и высвечивается, горит на отбеленной страничке сверкающего при выключенном свете монитора, как горят кошачьи глаза, превращающиеся во тьме в болотные огоньки вышедших на охоту фей.

«Aishiteru.

Eu amo Você.

Mi amas vin».

Сердце уже не колотится, а разбивается стекляшками хрупкого льда под копытами скачущего галопом январского оленя, везущего на спине Его Рождествейшество, опоздавшего сварить да слепить на поющем ведьминском костре необходимую кому-то неизлечимо пропащему надежду. Лес в груди волнуется, шелестит, скребется связавшимися паутинкой лапчатыми ветками — плачет, воет и рыдает священной сосной под кровавым лезвием на заре; что означают *эти* слова — Эмити уже знает, хоть и старательно себе лжет, заблудившейся в тумане тонколапой полынной кошкой мяучет, что это вовсе не так, что она не понимает, что это не имеет значения, что, в конце-то концов, слова, сказанные на чужом языке — есть слова как будто бы *понарошку*, но…

«Я люблю тебя, принцесса.

Это значит, что я тебя…

Да?»

Эмити плохо, Эмити *хорошо*, сердце перекидывается крошечным сияющим камушком, поднимающимся кверху, легонько надрезающим хрустальной гранью внутреннюю створку горла и пускающим землянично-невинную кровь. Туман разросшихся призрачных стежек, вихляя и виляя, вихрями вырывается наружу, накладывая на глаза паводок ворующей способность видеть воды, на губах застывает горчащий привкус затепленных осенних костров, и пальцы, хоть им и *нельзя*, незаметно обрывают поводок, прекращая выпрашивать позволение.

Пальцы дрожат, болят, мерзнут…

…и, обращая все жалкие потуги рыдающего рассудка взбрыкнуть, остановить да растереть всё происходящее в крошащийся белый мел, торопливо, точно зайцы на волчьей охоте, пишут, выстукивая клавишами так звонко, так громко, будто каждая отбитая буква — переломанная в звериных зубах кость:

«Да…

Я тоже…

Тебя…

Да».

❊❊❊

Луз счастлива, правда счастлива тому, что девочка, которую она прозвала про себя «Светлой», продолжает приходить.

Да, она так, кажется, и не понимает, *кто* говорит с ней, *кто* неуклонно, с ощутимо напрягающей Эми — имя бессовестно выпрошено, выкрадено и сшито-перешито в хранящий обережный платок, повязанный поверх кровоточащей сердечной дыры — дерзкой и циничной наглостью, начинает переступать самолично возведенные границы, пытаясь забраться глубже, засесть в мясе и душе терновой колючкой так, чтобы у принцессы не получилось ни выковырять, ни когда-либо от себя оторвать. Да, ложь, зарождавшаяся как безобидное баловство, не должное иметь ни продолжения, ни последствий, грызет, мучает саму Луз настолько, что больше не дает спокойно спать, терзая кошмарами о том неизбежном дне, когда принцесса всё-таки узнает правду и…

Впрочем, думать себе об этом проклятом «и» Луз наотрез запрещает, а Эмити дарит ей столько тепла, столько живительного света и столько отсутствовавшего прежде смысла, счастья и желания бороться и жить, что все эти мысли и сны тоже перестают хоть что-либо значить.

Ей страшно обманывать Светлую, еще страшнее рассказать той правду, страшно видеть в ночной бессознательности то, как принцесса с сияющими

звездной свечкой глазами в отвращении кривится, отталкивает её от себя, проклинает, ненавидит и, сбегая, бросает. Неизбежно, из сновидения в сон, бросает — просыпается Луз в такие моменты на перевернутой скомканной простыне, со сброшенным на пол одеялом, стиснутой в кулаках подушкой, застывающими на губах задыхающимися всхлипами и залитым слезами перекошенным лицом.

Она не замечает, не знает, когда успела не перейти, а перепрыгнуть-перелететь *тот* заветный мостик и принцесса далекого-далекого города стала ей настолько необходима, когда обернулась её личным безумным наваждением, но жизни без той больше не представляет…

Поэтому продолжает возвращаться к ней выдуманным сияющим рыцарем, которого между тем всё сильнее ненавидит: ей не то чтобы сложно, никакого дискомфорта она не испытывает, по-своему так приятнее, заманчивее и даже ближе, да и было бы так здорово иметь мужское тело и в действительности, чтобы просто купить билет, сесть на поезд и выкрасть прекрасную принцессу из медленно убивающей колдуньей башни, но…

Тело у неё всё то же неуклюжее, долговязое, *цаплино*, с отнюдь *не теми* выпуклостями, а к самостоятельно выстроенному образу растет, зверея, полосующая чудовищными когтями ревность, едва стоит представить, *как* и *кого* Светлая рисует заместо неё в наведывающихся полночных грёзах…

И всё же Луз, сцепляя зубы и кулаки, продолжает.

Продолжает и, тайком изрисовывая все листы и все запотевшие стёкла, позлащенные светом взъерошенных рыжих фонарей, лицом своей хрупкой осеннеглазой одержимости, так опрометчиво согласившейся прислать бесценную фотографию, ломко и войко сходит с ума.

❊❊❊

Четыре часа между ночью и утром — время, которое Эмити с особенной болью ненавидит, потому что именно в четыре часа тело и душу охватывает нечто вязкое, опасное, нехорошее, порожденное химерой бессонницы и желания уснуть, и в этой белой кисельно-зыбкой недрёманности, сторожко распахнувшей за спиной крылья неправильной и нездоровой *правдивости*, с ней что-то раз из раза происходит.

Рассудок отступает, отпускает и гаснет перегоревшей потолочной лампочкой, глаза, заглядывающие в темноту за окном, видят в небе не грязь размазанных облаков, а справляющих в вышине косматые свадьбы драконов, должных вскорости принести первый в сезоне снег…

Под костьми и сердцем же болит и разит так, будто кровь ушла, отошла, испарилась, и теперь там всё залито остатками гнилой воды да усеяно трупами издохших черношкурых кошек.

За рамами и стёклами — конец октября, трясутся худышки-веточки подстриженных мрачных деревьев, ветер бережно надевает Осени на плечи сотканный из туманов вычурно-чопорного города плащ, изредка там и тут

высвечивают бледные топазы не способных никого отогреть фонарей. Золотой алогривый зверь, хранящий астры, звезды и спелость тыквенных плодов, гуляет по проводам перепадами сбоящего напряжения; будильник прозвенит через три часа, за которыми разразится скандальная встреча по поводу её несколько упавшей успеваемости, а Эмити не может заставить себя закрыть окошко переписки и лечь спать.

Не может прекратить думать о том, как Он где-то там точно так же сидит напротив монитора, вчитываясь в её не слишком многословные письма. Не может перестать — так глупо и так смешно — представлять Его каким-то совсем чуть-чуть прозрачно-лохматым, похожим ужимками и движениями на ветер и на ушастую бурую лисицу, под чьей шкуркой затаилась толика чего-то такого же октябрьского, неуловимого, опасного, завораживающего…

Возможно, даже леопардового или тигрового.

И не может, абсолютно никак не может дать себе по рукам и подавить нехороший, ненужный, попросту не имеющий права на жизнь порыв написать это выдающее, вовсе ей не свойственное, заразно-сумасшедшее:

«Знаешь, я бы…»

«Ты бы что, принцесса…?»

Ответ опять приходит настолько быстро, что юная Блайт не успевает ни задуматься, ни предпринять последнюю попытку к позорному, но благоразумному бегству; иногда она начинает верить, что Он вообще никуда не отходит от своего экрана, засыпает и просыпается с ним, ни на секунду не отводя взгляда и не оставляя ей шанса попятиться, оступиться и уйти.

Ответ приходит быстро, и Эмити, маленькой испуганной девочкой зажмурившись, задержав предпрощальный глоток оставляющего воздуха, вслепую набирает, зная, *зная*, что не ошибется — ~~*или…?*~~ — ни одной буквой, ни одной кнопкой, ни одним словом:

«Я бы так хотела… хотя бы раз увидеть…

Тебя…»

Стрелки старых бабушкиных часов чугунно и грузно тикают со стены, за окном вьются поземкой по земле рухнувшие с небес чешуйчато-крылатые ящеры, а Эмити, несильно, но болезненно, чтобы пронзить плоть ладоней заостренными черными ногтями, сжимая в кулаках пальцы, еще долго-долго не открывает глаз…

Потому что знает, что именно сейчас, именно теперь, именно после *тех* слов ответ от Него не придет ни быстро, ни, скорее всего…

⁂

Однажды Эми возвращается к ней не такой, как обычно. Другой. Расстроенной. Растерянной. Рассеянной, как оборачивающийся снегом дождь над гладью смóльной речной воды.

Говорит, что всё нормально, всё в порядке. Потом — не говорит ничего, сколько бы Луз ей ни писала дурацких писем, тщетность и безнадежность которых прекрасно понимает сама: Светлой плохо, она чувствует это так остро, словно некий невидимый хирург уже успел вскрыть их грудные клети и перевязать, перекрестить между собой все-все внутренности. Боль раздирает надвое, натрое, на мириаду крошечных звездных обрывков; Луз трудно вдыхать, еще труднее выдыхать, в висках колотится, в горле першит, кислит и горчит, по венам ползет, обвиваясь хвостом, жалящая морозная паника, и ей впервые становится так от себя тошно, что хочется отодвинуть ноутбук, вскочить на ноги, распахнуть с удара рамы и во всю глотку заорать, прогоняя воем не загнавшей, а загнанной гончей остатки серого ноября, тихо шуршащего перегноем опавших листьев в опустелых дворах.

Еще хочется пойти на этот дьявольский риск, плюнуть, ничем впредь не мучиться, ни о чём не психовать: если и не рассказать правду, так хотя бы отпустить, выбросить, растоптать наклеенный поверх кожи образ, заставляющий цинично вздергивать подбородок, балагурить пересмешным клоуном, ругаться да доигравшимся бездольным пиратом есть не с ложки, а с острия заточенного саблей ножа.

Написать что-нибудь *живое*, *настоящее*, *честное*, исполнить их обоюдное желание, в печи которого, точно в зеленом пламени Хранителя Авроры, они из недели в месяц полыхают: прикрепить фотографию, назвать адрес или адрес же спросить, подарить всё, что подарить возможно, отрезать отринутое прошлое до единственного четкого «сейчас», открыть окна, двери, купить билет и броситься в избранный ласковый омут с озимым осотом родных придворных глаз, но…

«Эй…

Ну же, не грусти так, прошу тебя, принцесса.

Что бы у тебя ни случилось — я с тобой, слышишь?

Я с тобой.

Я… рядом».

Звучит лживо, тошнотно, совсем не так, как просится и как *нужно*, и от размазанного по губам коптенело-котельного вкуса остаётся разве что в голос над собой рассмеяться, как смеялась по зиме та странная старушка с пронзительным птичьим взглядом, которую Луз встречала раньше на перекрестке по пути в школу.

Никакого «рядом» нет, это вообще плохая тема, убивающая их обеих тема, без надежды на спасение всаживающая в спину и в сердце добротный осиновый кол, потому что, Луз знает, Светлая *хочет* с Ним ~~ней~~ встретиться, Светлая давно согласна, Светлая чует, что что-то *не так*, да только думает, небось, сущую ерунду: что Он ~~она~~, например, всего-то с ней играет и ничего взаправду не чувствует.

Лески и ниточки, протянутые между запястьями, начинают трещать и натягиваться, рваться, распускаться в волоконцах и узелках, хоть и еще совсем недавно казалось, мерещилось, верилось, будто их не перерезать ни одним на свете ножницам, ни одной одноглазой стриге, бьющейся заговоренным послезакатным ветром в запахнутое стекло.

«Принцесса…?

Послушай, не молчи, ладно? Только не молчи.

Ответь мне хоть что-нибудь, я тебя умоляю.

Принцесса…?

Ну же, моя принцесса!..»

Ниточки, растянутые до предела, звенят, пропуская рубцующуюся зимнюю кровь, а принцесса всё так же не отвечает: «когда-нибудь… когда-нибудь мы с тобой обязательно…», волком воющее у Луз в голове, опускается перворожденными снежинками на матовость тревожно скулящего сквозняками окна — то, она знает, вовсе и не снежинки, а грубые слёзы печально качающего бородой зверя-ноября.

❊❊❊

Эмити сидит на полу в ванной и, запрокинув на бортик ванны голову, тупо глядит в отвращающую пустоту идеально белого потолка — так, будто она никакая не Блайт, не «счастливая, везучая, зажравшаяся богатенькая выскочка из испражняющейся деньгами семьи», а неблагодарная чуждая дурочка, подмененная фэйри-кошками в стершемся из памяти детстве.

Она снова поссорилась с Ним.

С тем, о ком не знает почти ничего — даже пресловутого имени, день изо дня таращась на безликий и безголосый ник «Рыцарь Азуры», — от чьих писем дышит ложью так же, как от хрипа зимнего змея, сжимающего дома и деревья тугими извивающимися кольцами — обреченной неизбежностью ледяного забвения. С тем, кто, вероятнее всего, действительно держит её за идиотку, кто отказывается себя показать, кто всегда увиливает, сбегает обратно в подлесник и кусты, прячет между ног провинившийся опущенный хвост. Тот, чей голос она слышала лишь однажднй урывкой — глухим шепотом в темноте, когда бестолковый Рыцарь попросил у неё номер на «всякий случай», а сам взял и позвонил, прострелив пистолетом у виска и прорезав катаной поперек груди; обволакивающее просаженным сипом «te amo, mi princesa hermosa» перед каждой ночью крутится зачарованной внутренней пластинкой по заезженному кругу, навевая те сны, в которых под мостом Мирабо тихо катится листопадная Сена, а они вдвоем стоят над ней и до самого утра молча держатся за руки.

Эмити уже не плохо — ей паршиво, и она не влюблена — она *любит* Его, хоть за спиной и стоит заподозрившая наконец что-то неладное мать, еще сильнее упавшая успеваемость прежде не знающей провала отличницы, тот же выбранный без выбора жених, о чьём существовании она просто старается не

вспоминать. Хоть сердце и рыдает, беснуется, болит, а Рыцарь, сколько бы она ни пыталась его оправдать и предоставить очередную упущенную возможность, раскидывает над морем её потерявшей покой, рвущейся навстречу души канаты да, кривляясь и плача, балансирует на тех, сбрасывая в волны отравляющий алый дождь.

Эмити едва это выносит, Эмити с запозданием осознаёт, что жизнь без Него, без не тигрового, а лисьего этого Рыцаря, чьего имени она так и не может назвать, потеряет последнюю надежду оказаться прожитой, оборвавшись в проблеске лезвия или под стрекочущими кузнечиками колесами уносящихся к свободе поездов…

И, сдаваясь, прокусывая до крови губы, безрезультатно заглушая удары свернувшегося в клубок беспомощного сердца, обреченно тянется к валяющемуся здесь же на полу телефону, набирая усталое, безысходное, нарывающее:

«Извини…»

Вновь прямо тут же, словно Он действительно никогда не выпускает связи с ней из рук, получая не надрезающий, а вонзающийся по самую рукоятку ответ:

«Нет.

Нет…

Это ты извини.

Ты прости меня, принцесса…»

Ответ этот, как и весь остальной безымянный Рыцарь, лисий, лисий, и вправду ведь петляющий, плутающий и насквозь *лисий*, но хвост и уши этого лиса избиты, прижаты, понурены…

И на мертвом камне мертвых мостовых отказывающейся смотреть, но безвольно видящей Эмити всё равно светится янтарно-рыжим солнечным костром.

⁂

Через несколько дней они в очередной раз ссорятся, только теперь — страшнее и сильнее, и пусть Эмити искренне не понимает, не догадывается, не может взять в толк, в чём на сей раз дело — Луз всё прекрасно знает заместо неё.

Это *она* всё портит, это *она* больше не может держать себя в руках, это *её* проблемы и *её* ревность, *её* ненависть к тому, кого она сама выдумала и кому подарила ту жизнь, которую как будто бы проживает, но на самом деле ничего и близко подобного не.

Ей стыдно перед Эми, ей больно, ей боязно, обидно и злостно, ложь

разрывает кишки и органы, сколько бы светлый добрый олень с голубыми глазами, заблудившийся где-то в зиме, ни пытался зашить рогами все раны этого мира; мысли о том, что её принцесса, одна лишь *её* принцесса всё это оборвет, бросит её, сбежит из Сети и из только-только приотворившей дверцу жизни, едва познает правду, мечутся по каждому закутку и закоулку сжимающегося горошиной рассудка…

И в какой-то момент Луз теряет контроль.

Стискивает всю себя в сомкнувшихся костяшках кулаков, в запачканных кровью из вспоротых губ зубах, в тряске и треморе, в лихорадящей в голове температуре и, не давая себе разрыдаться, хотя рыдая же всё равно, отбивает западающими шумными кнопками так быстро, как только может, чтобы не передумать, не споткнуться, не оступиться и опять-опять-опять не наврать:

«Ладно, принцесса…

Так хочешь знать правду?

Так хочешь понять, почему я боюсь отвечать прямо и показаться тебе на глаза?»

Принцесса непредгаданно зависает, замирает, по ощущениям — пытается набросить на себя легкую вуаль безучастной отстраненности, похрустывающую полупрозрачным слоем защищающего инея. После, отрастив на коготках по серповой кошачьей лединке — наконец-то отвечает, выдавая одно короткое, ровное, но даже так кричащее пургой и в пурге же погибающее:

«Да».

«Уверены?

Точно-точно уверены, что ни о чём потом не пожалеете, Ваше Высочество?»

Луз горько усмехается, чувствуя, что вот сейчас, наверное, сможет, как-нибудь *сможет* проглотить не только обманчиво-сладкое угощение, но и весь цельный пиратский нож, а её принцесса, глупая-глупая светлая принцесса, совсем не знающая, *что* сейчас случится, что своими собственными пальцами нажимает на кнопку подрывающего затихающую кардиограмму взрыва, выцарапывает:

«Прекрати паясничать.

Да.

Я уверена».

«Ладно… esta bien… хорошо…»

Луз морщится, крепко-крепко, до цветных и черных расплывающихся пятнышек на обратной стороне век, жмурится, задерживает дыхание. После, открыв глаза и ненароком покосившись за окно, в котором надеется поймать

хоть какой-нибудь знак, а ловит лишь собственное ссутуленное отражение с запавшим зареванным лицом да развешанные тут и там рисунки Светлой, кривится и, не давая едва-едва проклюнувшейся решимости обратиться в хлипкий весенний прутик, торопливо, плюя и забывая, как правильно должно писаться надуманным кем-то словам, признаётся:

«Просто, видишь ли, хорошая моя… Я не тот рыцарь.

Всё еще рыцарь, конечно же, всё еще целиком и полностью твой, но…

Не тот, о котором ты мечтаешь.

Не тот, которого ты, вероятно, хотела бы видеть с собой рядом».

Когда она отбивает и отправляет в безбилетный полет эти строчки — сердце не таранит кость, не долбится в разбухающие сопками виски, а всего-то скукоживается, воспламеняется и ссыпается на самое дно вырытого внутреннего колодца зловонной черной золой с придыхом горечи да погоревшего в пожаре сандала.

Под кожей так холодно и так ветрено, будто довелось угодить в чертоги захлопнувшей калитку неблагой осени, в шкатулочке черепа пускает корни терновый шиповник, роняющий прощальный отравленный лепесток; Луз почти — или не почти…? — не дышит, не существует, а Эмити, застывшая где-то по ту сторону заколдованного почтового зеркальца беззвездной мглой лютующей зимы, ничего не отвечает.

Проходит двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят секунд, отмеренных электрической мертвой стрелкой, но иллюзия листа перед глазами пуста, звенит и сквернит замаранной белизной, молчит той тишиной, от которой закладывает уши…

И Луз, вдыхая против воли прелую прель ядовитого бутона, срывается в который по счету раз.

Плевать хочет, понимает её принцесса или же нет, попадает она сама в ненужные нужные закорючки, потерявшие всякое звучание, или не попадает, наступит это проклятое завтра или навсегда уже сляжет в гроб, завершившись в этом самом не-ноче-дне.

«Не понимаешь, хорошая моя?

Или не хочешь понимать?

Признавать…?

Entonces… ¿cuál de los dos?»

Ответа всё так же не приходит: за окнами воркует заблудившимся голубиным бароном набирающий силу ураган, гремят погремушкой скелеты постаревших деревьев, чьи-то шаги хрипят фырканьем добродушной яблоневой лошадки, дремлющей на королевской конюшне, на запястье тренько позвякивает талисман с рукой Фатимы, должной приносить удачу, а…

Впрочем, это, бесспорно, и делающей: встреча с Эми — самое лучшее, что приключилось с Луз за всю ей долго-короткую однобокую жизнь; так это ли, духи и боги, не счастье?

Иллюзорный лист-фантом, забравший в безвозвратный плен живые души и жизни, снежно-чист и девственно-снежен, в груди — девственно-снежно тоже, ветер воркует голубиную колыбельную, храпит смешная усатая лошадка, которой нет тоже, и Луз, по чьим щекам ползут, шепелявя отравленными раздвоенными язычками, тонкие-ломкие змейки едва покинувших скорлупное гнездовище слёз, почему-то впервые становится почти-почти…

Легко.

Почти-почти…

Нормально.

Настолько, чтобы оборвать уздечку пытающегося заарканить и наново заставить солгать страха, стряхнуть того с плеч и спины, прикрыть лесом ресниц стекляшки обесцветившихся глаз, перед которыми всё равно всё крутится, всё равно всё плывет, взметается перелетными белыми цаплями, обернуться тем настоящим рыцарем, которым она столько времени старалась притвориться, опустить пониже забрало, сложить к невидимым ногам невидимой Принцессы невидимые меч и щит…

И, приподняв уголки губ в грустной улыбке грустного звездочета, на веки вечные уходящего в небеса в дождавшийся осенний Дом, открыть свою самую большую, самую гложущую, самую засевшую Экскалибуром в скалище тайну:

«No soy un hombre, mi belleza…

И что мы с тобой станем делать теперь…?»

❊❊❊

— Perdóname… Perdóname una vez mas, mi buena…

Голос у «Рыцаря Азуры» всё такой же хрипящий, сипящий, то шепчущий, то почти плачущий, то вдруг становящийся совсем как черная-черная птица, кричащая в никуда о скорой белой зиме, но Эмити он нравится, Эмити его *любит*, да и теперь господин Рыцарь больше уже не безымянный: теперь Эмити знает, что зовут его «Луз».

— Я… подхожу, принцесса. Еще чуть-чуть — и буду на месте. Надеюсь, ты дождешься и никуда от меня не убежишь…

Еще юная Блайт знает, что Рыцарь этот всё-таки никакой не лисий, а самый что ни на есть тигровый: храбрости ему не занимать, шарма — тем более, да и её внутренняя бездомная кошка с проросшей сквозь шкуру полыньей наконец-то впервые отрывает от драконьей поземки взгляд, протягивая к кому-то такому же, как и она сама, бескрыло-крылатую лапу.

— Эй, Эми… Эмити… Эми…?

С неба, змеиные свадьбы на котором рассыпались и отгремели, валится серебровая инейная пыльца, крыши обступивших домов зябко ежатся под сухим шквальным порывом, в глазка́х остановивших бег светофоров рыщут обвенчанные с воронами тыквенные пугала — вечные пленники таящейся во всём красном да желтом осени.

По лестницам и переходам волочится подбитая на оперение тишь, фонари, приласканные рукой гуляющего самого по себе Ночного Фонарника, задумчиво и немного колдовато перемигиваются прищуренными совиными глазами, по подолу куртки и выглядывающего из-под той платья Блайт блестит и кружится полупрозрачной парчой нашитое зимнее серебро.

За серебро ей это стыдно, за платье — тем более, да и куртка, по самый капюшон облепленная снегом и инеем, выглядит так, будто и не куртка вовсе, а благословленный святочным ангелом свадебный мервельез; Эмити нервничает, смущенно и испуганно сбивает ладонью дурацкий налепившийся белый, стучит и звенит по сковавшейся ледовой настилке каблуками красно-сафьяновых башмачков…

А потому, должно быть, и не слышит, не замечает, что голос, доносящийся из бережно прижатой к щеке и к уху трубки, звучит как будто не только из той, а еще и из…

— Принцесса…?

Эмити пытается что-то ответить, но получается у неё одно несвязное бормотание да нескладный котеночный писк: лицо горит далеко не столько от холода, сколько от полыхающего под одеждой и кожей жара, страх, смятение, смущение, стыд, предвкушение, радость, неуверенность и боязнь *поверить* вяжутся в налобный венок с волчьей белладонной посередине, над городом разбухает лохматыми еловыми ветками хитрый старик-Декабрь.

Рождество в нарожденном пуховом нимбе носится над улицами, сбрасывает крупку и ягнячье руно, путает тропы, планы и календари; Эмити, едва не роняющая телефон из рук, еще раз оглядывается по сторонам, ловит *правильные* названия пересекающихся улиц, уводящих на площадь и уставленный разлапистой хвоей сквер, и никак не может до конца осознать, что она *здесь*.

Что ~~Он~~ Она вот-вот будет *здесь* тоже.

Что сама она в *ту* злополучную и вместе с тем благословенную ночь так спокойно и легко приняла Её маленький секрет: и так ведь давно догадывалась, и так ведь почти знала, и так ведь…

Наверное, надеялась.

Что жизнь не оборвалась, а замоталась и размоталась новым пряжным клубком, выпрыгнула в окно, увела из диктующего чужие условия родового дома: подтолкнула порвать поводок, сбросить ошейник, отказаться и от жениха, которого она и видеть-то никогда не видела, и от стальной материнской перчатки на полузадушенном горле. Сдаться, хоть она особенно и не

сопротивлялась, назвать забавному, настойчивому, безразрывно переплетшемуся с ней Рыцарю и фамилию, и город, и улицы: и ту, на которой она всё это время жила, и ту, на которой её в этот день и час ~~нужно~~ можно будет найти…

— *Принцесса, hermosa…?*

Позади остались десятки десятков картинок, которые Луз, только-только понявшая, что от неё не отказываются и не прогоняют прочь, прислала: десятки десятков нарисованных чем-как можно и нельзя портретов удивленной, изумленной и растерянной юной Блайт: фотографию Эмити ей показала всего одну, а на рисунках находила себя и смеющейся, и улыбающейся, и всё чаще — заснеженной, странно и неправдоподобно… трепетной, не то плачущей, не то смаргивающей с ресниц перенявший слёзы акварельный дождь.

Позади завязались бантами и лентами даденные друг другу в пять бессонных утра сумасшедшие обещания, нашептанные в трубку клятвы, вскрывающие и перекраивающие из зимы в весну безбоязненные признания — и Луз после них, знает она о том или нет, во взаправдашнюю правду такой Рыцарь, которому не родиться впредь нигде и никогда.

Единственный и — духи да боги… — *тот самый*.

Позади — это и еще многое из того, что уже ни вовек не забудется, не рассыплется, не позволит повернуть по смольному броду вспять. Здесь и сейчас — перекресток четырех дорог, осыпавшиеся еловые иголки вдоль обледенелых бордюров, обшитое белым ангелом ~~невестино~~ нелепое платье, ставшее безнадежно родным дыхание в запотевающей трубке и должная вот-вот захлестнуть приливной волной предрешающая встреча. Впереди же…

— Oye, princesa…

То ли с драгоценной трубкой, то ли с драгоценным голосом становится вдруг что-то не так: юная Блайт может почти поклясться, что в динамике нет ничего, кроме белого зимнего шума и посыпавшего уже и в том снега, а голос тем не менее раздаётся. Голос окутывает, накрывает плечи, как недавнишний ветер в сватах у госпожи-Осени, впитывается кожей и волосами, толкается изнутри вспышкой заторможенного *понимания*, мгновенно парализующего каждую жилу и каждый сустав…

— ¿Tienes miedo?

…когда Эмити наконец-то с кристальной ясностью понимает, что голос этот *абсолютно точно* доносится *не* из телефона — становится поздно: она лишь мельком успевает разглядеть кого-то немного нескладного, голенастого и ужасно взъерошенного, в чьих глазах застыло всё погожее осеннее золото, а на губах — блуждающая фэйриным огоньком хитроватая, едва ли не до ожога ошпаривающая улыбка.

Пальцы той руки, что только-только смыкались вокруг трубки, размыкаются, сотовый с гулким ударом бьется о настовый лёд, в воздух взметается звон висящих на смуглом рыцарском запястье безделушек: амулетов, талисманов, чего-то еще — у Эмити попросту не остается ни одной секунды, чтобы попробовать рассмотреть.

Она машинально пятится, пытается отпрянуть, отойти, отскочить назад; запинается в собственных ногах, в наметенных сугробах, поскальзывается, совсем того не замечая, лишь чудом не заваливается назад и не падает на спину, расшибая о лёд непокрытый затылок с пропахшей инеем снежной полыньей, хотя…

Никаким — звездочет заводит в принявшем осеннем Доме часы, прикрывая ветром бороды задорно улыбающийся рот — не чудом: через секунду и еще спичку, распахивая дикие кошачьи глаза до взыгравших на восходе витражей, она чувствует, как рука в браслетах-талисманах-амулетах перехватывает её за талию, крепко сжимая поймавшие пальцы. После же — стискивается сильнее, соединяется с рукой второй, замыкает неразрывный колдунский замóк, от которого никто не придумал ни ключа, ни спасения, а затем — резким, игривым и смешливым толчком тянет вперед, с небольного грудь-к-груди удара привлекая к тому…

К *той*, кто, ловко отыскав её ухо, бесстыдно прижимается к раковине губами, искуривает до пепла прижигающим низким дыханием и, сомкнув объятия настолько, чтобы из горла вырвался тихий сдавленный стон, шепчет, поднимаясь левой рукой по спине да зарываясь отчего-то такими… знакомыми… пальцами в бесперые перья-пряди:

— Atrapó… и больше никогда — никогда, слышишь, родная моя…? — не отпущу тебя, принцесса. Больше, cariño mío, никогда…

И Эмити…

Эмити просто кивает: горит осколком солнца в бережно сжавшей горсти, жмурится, утыкается лбом в дрогнувшее плечо своей Луз и, с не соглашающейся уняться дрожью стискиваясь пальцами на рукавах чужого пальто, кивает. Потому что теперь…

Вот теперь, боги, драконы и звездочеты, всё наконец-то будет хорошо.

Примечание к части

«Te quiero» — «я люблю тебя».
«Aishiteru. Eu amo Você. Mi amas vin» — те же самые признания в любви.
«Te amo, mi princesa hermosa» — «я люблю тебя, моя красивая принцесса».
«Entonces… ¿cuál de los dos?» — «так которое из двух?»
«No soy un hombre, mi belleza…» — «я не мужчина, красота моя».
«Perdóname una vez mas, mi buena…» — «прости меня еще раз, хорошая моя».
«¿Tienes miedo?» — «боишься/испугалась?»
«Atrapó» — «поймала/попалась».